

Мира Юнь

Весна в персиковом саду

Мира Юнь

Весна в персиковом саду

<https://litres.ru/73933476>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ли Вэй скрывает свою истинную сущность и живёт как обычный отшельник в мире людей. Никто вокруг не догадывается, что этот человек — изгнанный лучший лекарь небес. Он думал, что навсегда оставил интриги высших миров позади, но покой рушится в один миг.

Глубокой ночью в его хижину пробирается дух кошки. Незваная гостья втягивает бывшего небожителя в опасную игру. Зачем она пришла именно к нему и к какому финалу приведёт эта встреча, способная перевернуть жизнь обоих миров?

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мира Юнь

Весна в персиковом саду

Глава 1.

Долина тысячи весенних дней текла своей особой жизнью, повинувшись лишь законам природы и воле единственного хозяина. Кристальный воздух казался почти осязаемым: он обволакивал горные склоны, словно живая пелена, и хранил внутри незримого барьера ароматы скрытого мира. Свежесть молодого бамбука, жадно рвущегося к солнцу сквозь каменистую почву, сплеталась здесь с прохладой древнего гранита. Валуны, укутанные изумрудным мхом, шептали о вечности.

Тишину долины едва заметно тревожили отголоски далёких северных склонов. Предрассветный ветер доносил терпкий дух хвойных лесов — тонкий, как нить, он связывал глухой рокот водопада, скрытого за скалами, и трепет персикового сада в ожидании скорого цветения.

В сердце этого сада, окружённый кронами деревьев, стоял дом Ли Вэя — его личное святилище, сокрытое от чужих глаз защитными массивами. Веками он жил здесь в уединении, отгородившись от мира смертных и тщательно обрывая любые связи с прошлым. Лишь один гость — один из

высших небожителей, чьё имя в поднебесной произносили с благоговейным трепетом, — порой нарушал эту тишину, приходя сыграть партию в го.

Дом казался воплощением гармонии — сплетением вековых даров природы и мастерства искусного зодчего. Тёмное, отполированное дерево стен излучало мягкое тепло, а вместо окон здесь стояли раздвижные ширмы из рисовой бумаги. Днём сквозь них проникал жемчужный свет, по вечерам же, при свете свечей, комнаты наполнялись тёплым золотистым сиянием. Бамбуковый пол и просторные покои выдержаны в глубоких природных тонах — отражение аскетичного вкуса хозяина, чуждого роскоши Небесных чертогов.

Особое место занимал травник — обитель мудрости и кропотливого труда. В строгом порядке хранились здесь драгоценные коренья, высушенные соцветия, редкие снадобья. Полки из тяжёлого ясеня прогибались под весом пожелтевших свитков, к которым Ли Вэй прикасался с почтительным трепетом. Всё в доме словно разделяло его уединение, размеренный ритм жизни и внутреннюю дисциплину, не подвластную внешним бурям.

Тишину травника нарушал лишь сухой шелест кисти о бумагу. Ли Вэй занимался каллиграфией: методично, штрих за штрихом, он переносил на лист мысли, очищая разум от прошлого. Кисть скользила по белоснежной поверхности с пугающей точностью, оставляя иссиня-чёрные следы туши. Иероглиф «спокойствие» ложился на бумагу, словно маги-

ческая печать, призванная усмирить бурю, бушующую внутри.

Спустя десять веков после того, как за спиной с грохотом захлопнулись золотые ворота Небесного дворца, Ли Вэй наконец осознал истинную цену тишины. На небесах его хладнокровие было лишь маской — ледяным панцирем лучшего целителя поколения. За ним скрывалось изнуряющее напряжение интриг и амбиций бессмертных чиновников. Покой там был обязанностью. Здесь, в тени горного хребта, тишина стала его сутью.

Ли Вэй замер, глядя на влажный блеск туши. В этом месте, пропитанном запахом сухих трав, он впервые за тысячу лет ощущал себя не изгнанником, а хозяином своей судьбы. Он больше не стремился к божественному величию, не скупался по блеску чертогов. Мерный звон водопада за стеной значил больше, чем славословия небесной аристократии. Свобода имела вкус горького чая и горного воздуха — её он не променял бы ни на одно сокровище трёх миров.

Кончик ворса поставил точку — завершающий штрих иероглифа. Тушь впитывалась в бумагу, а в душе воцарился покой. Ли Вэй прикрыл глаза, вдыхая аромат свежего письма, и приготовился отложить кисть, как вдруг...

Из спальни донёсся шорох, а следом — оглушительный грохот разбитого фарфора.

Звук разорвал тишину, оставив звенящее эхо. Ли Вэй застыл. Пальцы, сжимавшие кисть, дрогнули — бамбуковое

основание треснуло.

Это был не случайный шум. Разбилось последнее подношение Учителя, оставленное перед уходом в небытие. Тот самый символ, что удерживал Ли Вэя от забвения, разлетелся на осколки.

В следующую секунду лицо Ли Вэя стало неподвижной маской. Расслабленное умиротворение, только что выведенное на бумаге, исчезло без следа. Глаза сузились — две щели тёмного агата. Резким движением он закрепил рукава серебряного ханьфу наручами, освобождая кисти, и поднялся.

Он не шёл — скользил по бамбуковому полу, словно тень хищника в ночной роще. В сознании эхом всплыло наставление Чэнь Мо: «Рука, исцеляющая тело, должна уметь оборвать дыхание несущего хаос». Потоки Ци подчинились воле. Магические каналы, спавшие веками, раскрылись, и воздух вокруг ладоней дрожал от силы. В нём не осталось страха. Лишь готовность уничтожить того, кто коснулся его прошлого.

Ли Вэй замер на пороге спальни. Полы одежды качнулись. Вместо сандала в нос ударил запах крови — металлический, резкий — и едкая гарь. Ли Вэй узнал его мгновенно. Скверна. Ядовитая энергия из глубин демонических земель, пожирающая души.

Комната тонула в янтарном свете догорающих свечей. Хаос. Взгляд метнулся к изножью кровати: среди осколков лежало то, что было его сокровищем. Ваза разбита. Горечь по-

тери вспыхнула — и тут же сменилась бдительностью.

«Кто?» — мысль пульсировала в висках. Долину окружал защитный барьер, настроенный на его Ци. Проникнуть сюда без его ведома было невозможно — даже для владык Небесного дворца. И всё же кто-то был здесь.

Ли Вэй медленно перевёл взгляд на цепочку дымящихся капель у постели. Он не шелохнулся, но внутри пробудилась мощь. Духовные каналы приоткрылись — он был готов нанести удар. Шаг к кровати — бесшумный, решительный.

Рука потянулась к тяжёлому шёлковому пологу. Плавное движение — и полог откинут. То, что открылось на белоснежных простынях, заставило Ци замереть.

На постели, свернувшись клубком, лежал дух кошки. Шерсть свалялась, испачканная грязью и кровью. Но страшнее всего была рана на боку: она кровоточила, а из неё сочился тёмный дым скверны — извивающийся, словно змеи. Тьма вгрызалась в плоть, шипя и растворяя ткани, стремясь добраться до духовного ядра.

Ли Вэй застыл, всё ещё держа полог. В груди боролись два порыва. Ярость от вторжения и брезгливость требовали уничтожить источник скверны, вышвырнуть его из долины. Но вид умирающего существа перевесил.

Гнев отступил перед долгом целителя, вьёвшимся в подсознание. Он изгнанник, но в нём течёт кровь лекаря.

— Ты принесла смерть, — тихо, но твёрдо произнёс он, глядя на кошку. — Но никто не умирает под моей крышей.

Шаг вперед — и сомнения отброшены. Быстрым движением, отточенным веками, Ли Вэй сплёл пальцы в печать исцеления. Воздух завибрировал. Из ладоней хлынул золотой поток Ци, сталкиваясь с тьмой, пожиравшей кошку.

Скверна держалась крепко. Чёрный дым въелся в рану, отталкивая исцеляющую силу. Ли Вэй усилил напор, слой за слоем выжигая яд. Свет шипел, соприкасаясь с чернотой, наполняя комнату едким паром. Судорога сводила пальцы, но он не ослаблял поток. Чтобы очистить духовное ядро и не сжечь его, нужна была предельная точность.

Лечение длилось семь дней. Ли Вэй разделил его на циклы: каждые несколько часов он капал эликсиры в пасть духа, затем часами удерживал ладонь над раной, помогая телу усвоить лекарство. Выжигание скверны требовало точности — порции Ци дозировать приходилось тщательно, чтобы не повредить меридианы зверя. В перерывах мастер медитировал у постели, восстанавливая золотое ядро.

На шестые сутки Ци иссякла. Лицо осунулось, кожа побледнела, стала почти прозрачной. Но взгляд оставался холодным, сосредоточенным. Чёрная дымка бледнела, дыхание гостьи выравнивалось.

К концу седьмых суток скверна отступила, оставив лишь запах озона. Пульс кошки стал ровным. Раны затянулись, остались лишь розовые шрамы под новой шерстью.

Убедившись, что духовное ядро в безопасности, Ли Вэй опустил руки. Усталость наливалась мышцы тяжестью. Тяжело

ступая, он вышел во двор, к резной беседке.

Ночной воздух освежил его. Ли Вэй опустился на скамью, дрожащими пальцами налил чай и сделал глоток. Горький вкус принёс успокоение.

В тишине сада, глядя на персиковые деревья, он вспомнил о разбитой вазе. Существо было спасено. Ли Вэй знал: на весах живое сердце всегда перевешивает мёртвый фарфор. Но внутри ныло. Ваза была последней связью с Мастером Чэнь Мо.

Мысли отшельника невольно унеслись в далёкое прошлое, покрытое пеплом воспоминаний...

Ли Вэй вспомнил своё человеческое детство. В те годы мир казался простым и понятным. Его отец — простой солдат, некогда преданно служивший императору, — и мать-целительница надёжно оберегали его. Всё закончилось в одну роковую ночь, когда демоны из клана Красной Луны огненным смерчем обрушились на их мирную деревню.

Мир маленького А-Вэя рухнул в одночасье. Он отчётливо помнил удушливый дым, пронзительные крики и то, как остался один на один с жестокостью тех, кто уцелел в той кровавой резне. Сироту никто не жалел. Другие дети безжалостно избивали его просто за то, что у него больше не было дома, не было семьи, не было защиты.

Он до мельчайших деталей помнил тот вечер: лежал в холодной, вязкой грязи, сплёвывая кровь после очередной жестокой драки, почти готовый сдаться и принять смерть.

Именно тогда над ним внезапно склонился человек в ослепительно-белоснежных одеждах — Мастер Чэнь Мо. Бесмертный заклинатель не стал утешать измученного мальчика пустыми словами. Он просто молча протянул ему ладонь и произнёс слова, которые навсегда изменили судьбу сироты.

— В тебе течёт сила, которую ты сам ещё не способен осознать. Твоё духовное ядро — это великий дар, но без жёсткой дисциплины и самоконтроля оно станет твоим проклятием. Пойдешь ли ты со мной?

Мастер разглядел в истощённом, избитом ребёнке великую Ци — и простое происхождение ничуть не умаляло её мощи. Он забрал Ли Вэя в Небесный дворец, став для него одновременно и строгим отцом, и суровым наставником. Именно там, под его надзором, Ли Вэй постиг сокровенные тайны жизни и смерти, научившись обуздывать внутреннюю ярость и превращать её в чистый, исцеляющий свет. Но теперь Учителя не было, а его последний подарок — разбитая ваза — лежал осколками в спальне.

Ли Вэй ещё долго сидел в безмолвии ночной беседки, сжимая ладонями чашу с чаем, которая давно успела остыть. Он не шевелился, замороженный холодной красотой звёздного неба, словно пытался навсегда запечатлеть в памяти этот хрупкий, уходящий покой. Тишина Долины тысячи весенних дней по-прежнему оберегала его, но глубоко внутри изгнанника уже зрело предчувствие неизбежных, штормовых перемен.

Глава 2

Рассвет следующего дня принёс прохладу, но не принёс привычного облегчения.

Когда солнце лениво поднялось над восточными пиками, его первые бледные лучи скользнули по веранде, высушивая ночную росу на досках. Ли Вэй оставил пустую пиалу в беседке и направился в усадьбу.

В травнице, залитой холодным утренним светом, царило запустение. Полки из тяжёлого ясеня, где ещё неделю назад ровными рядами хранились драгоценные коренья и редкие лекарственные сборы, теперь заметно опустели. Семь дней изнурительного лечения незваной гостьи стоили ему лучших многолетних запасов.

Мастер бросил короткий взгляд на закрытые ширмы спальни. Оттуда не доносилось ни звука. Спасённый дух всё ещё спал, восстанавливая силы после удара скверны.

«Ей нужны воля и простор, а мне — вернуть свой покой», — сухо подумал Ли Вэй. Он не собирался превращать своё святилище в приют. Чтобы восстановить баланс энергии и заполнить пустые ящики, ему требовались свежие травы, росшие на самых отвесных кручах северного хребта.

Ли Вэй надел простое тёмно-серое ханьфу из плотной ткани, туго затянул пояс и покинул усадьбу.

Горы встретили его обжигающим ветром высот. Он под-

нимался по каменным выступам с отточенной, вековой грацией. Его руки, крепкие и привычные к тяжёлому труду, находили опору там, где обычный смертный увидел бы лишь гладкий, неприступный гранит. Однако сегодня его хваленая концентрация дала сбой. Мысли упрямо возвращались в спальню, к белоснежному зверю и к той плотной энергии, которую пришлось выжигать.

В погоне за редким корнем дикого имбиря, зажатым в глубокой расщелине, Ли Вэй допустил непростительную оплошность. Нога соскользнула с влажного, укрытого мхом уступа. Пытаясь удержать равновесие, он с силой содрал ладонь об острый край скалы.

Багровая кровь выступила мгновенно, пачкая светлую подкладку рукава. Целитель лишь досадливо сжал челюсти, проигнорировав дёргающую боль. Горы никогда не прощали рассеянности. Он наскоро перевязал ладонь чистым отрезом ткани и, собрав остатки трав, направился обратно к долине.

Мастер вернулся в обитель к полудню. Надеясь занять руки привычным трудом и вернуть пошатнувшееся самообладание, он сразу прошёл в травницу. Но стоило ему разложить на бамбуковом сите первый пучок свежей полыни, как он почувствовал на себе чей-то пристальный, почти осязаемый взгляд.

Ли Вэй медленно поднял голову.

На широком подоконнике, чётко выделяясь на фоне залитого солнцем персикового сада, сидела кошка. Её белоснеж-

ная шерсть была безупречно чистой, а янтарные глаза изучали мужчину с пугающим, осознанным вниманием. В этом взоре не было животного страха или дикости — только глубокое, немигающее любопытство.

— Ты проснулась, — сухо обронил он, возвращаясь к сортировке корней. — Можешь остаться здесь ещё на несколько дней, пока окончательно не окрепнешь. Но потом тебе стоит уйти. У меня нет времени на праздное гостеприимство.

Кошка не шелохнулась. Она лишь внимательно посмотрела на его перевязанную руку, коротко вильнула хвостом и, легко спрыгнув с подоконника, мгновенно скрылась в густой зелени сада. Ли Вэй продолжил своё занятие, стараясь убедить себя, что это появление его ничуть не растревожило.

Однако тишина дома, к которой он так стремился, теперь казалась надломленной.

Кошка отсутствовала до самого вечера. Когда солнце окончательно скрылось за пиками, окрасив горы в багряные и медные тона, Ли Вэй невольно прислушался к тишине дома. Вокруг не ощущалось ни шороха, ни вибраций чужой энергии.

«Ушла», — подумал он с облегчением. Целитель был уверен, что своенравный дух выбрал свободу, и его привычный мир вернулся в привычное русло.

Мастер устроился за своим массивным столом в травнице, где занялся изучением старинного медицинского трактата. Он перечитывал эти пожелтевшие строки сотни раз, но сей-

час вглядывался в штрихи с особым рвением, надеясь отыскать тайное озарение, которое до этого момента ускользало от него.

Внезапно по бамбуковому полу пробежало знакомое, едва уловимое присутствие. Кошка вернулась. Она прокралась абсолютно незаметно и теперь буквально пронзала его своим янтарным взглядом со края стола.

— Ты всё-таки пришла, — сухо обронил он, не отрываясь от страницы. — Не мешай мне, я занят.

Ли Вэй старательно игнорировал её, но кошачье внимание буквально скользило по его лицу. Она заворожённо изучала его профиль, который в золотистых отблесках заката казался безупречным творением небесного скульптора.

Его красота была редкого, благородного толка — холодного и недостижимого совершенства. Прямой, изящный нос, тонкие, чётко очерченные губы, которые он сейчас чуть поджал в сосредоточении, и волевая линия подбородка. Особого внимания заслуживали его глаза: глубокие, карие, обрамлённые неестественно густыми и длинными ресницами, отбрасывавшими мягкие тени на высокие скулы. Его кожа, бледная и чистая, словно самый дорогой нефрит, казалась почти прозрачной в наступающих сумерках.

Он был одет в многослойное ханьфу цвета бледного серебра. Широкие рукава, закреплённые на запястьях изящными наручами, подчёркивали изящество его кистей, но не могли скрыть силы, таившейся в каждом движении. Высокий

воротник, расшитый едва заметным узором, плотно облегал его стройную шею, придавая ему вид гордый и властный. Его длинные тёмные волосы были собраны в высокий пучок и скреплены серебряным венцом, а несколько свободных прядей небрежно падали на лицо, смягчая строгость облика и добавляя образу притягательную небрежность.

Мастер перелистывал пожелтевшие страницы с таким пристрастием, что мир вокруг перестал для него существовать.

И именно в этот миг, когда Ли Вэй окончательно погрузился в поиск скрытого, прямо на центр открытого трактата, перекрыв самые важные строки, с мягким и влажным звуком приземлилась мёртвая птица.

В ту же секунду вся невозмутимость благородного мужа была сметена волной чистейшего шока. Безупречная маска небожителя дрогнула: Ли Вэй замер, и в его расширившихся карих глазах отразилась смесь глубочайшей брезгливости и растерянности. Он не в силах был подобрать слова для святотатства такого масштаба. Взгляд мастера метался между окровавленной тушкой и бесценными строками трактата, которые теперь были осквернены багровым следом. Бледные щёки целителя мгновенно вспыхнули от небывалого возмущения.

— Прочь! — наконец выдавил он, и его голос прозвучал резко и отчётливо. — Убирайся вместе с этой птицей!

Он не стал марать руки. Коротким, быстрым жестом Ли

Вэй направил импульс Ци, и всплеск энергии мгновенно вышвырнул добычу далеко за пределы открытого окна. Кошка лишь невозмутимо прищурилась, глядя на его вспышку гнева.

Мастер больше не проронил ни слова. Резким, порывистым движением он захлопнул фолиант и, не удостоив духа даже мимолётным взглядом, стремительно покинул травницу. Его шаги звучали резко, а полы ханьфу взметнулись, когда он скрылся в переходе, освещённом тёплым сиянием резных фонарей. Их мягкий свет дрожал на стенах, провожая разгневанного хозяина вглубь покоев.

Ли Вэй сидел на краю своей постели, укрытой тяжёлым тёмным шёлком. В комнате, окутанной ароматом сандала и полумраком, он казался ещё более бледным. Медленным, осторожным движением он начал разматывать повязку на ладони, стараясь не тревожить края пореза.

Внезапно по шёлку покрывала пробежала едва заметная волна. Белая кошка, словно просочившись сквозь задвинутые ширмы, возникла рядом и уверенным, мягким прыжком заняла место прямо у его колен.

— Что тебе ещё нужно от меня? — голос Ли Вэя прозвучал глухо. Он даже не поднял головы, глядя на багровые пятна на ткани в своих руках. — Разве ты недостаточно испытала моё терпение сегодня? Убирайся с моей постели!

В этот миг рана на ладони отозвалась острой, дёргающей болью. Ли Вэй не изменился в лице — выдержка не позволя-

ла ему выказывать слабость, — но его пальцы на мгновение судорожно сжались. Игнорируя присутствие духа, он потянулся здоровой рукой к низкому резному столику. Там, среди свитков, ждала маленькая яшмовая баночка с целебной мазью.

Кошка воспользовалась этой секундой его рассеянности. Она бесшумно скользнула по шёлку и, прежде чем Ли Вэй успел отстраниться, коснулась его открытой раны своим тёплым языком.

Ли Вэй замер, так и не дотянувшись до лекарства. Из горла готов был вырваться резкий возглас, но в следующее мгновение по руке, а затем и по всему телу разлилось странное, глубокое тепло. Пульсирующая боль испарилась, сменившись прохладой горного родника. На глазах у изумлённого мастера рваные края кожи поползли навстречу друг другу, срастаясь в тонкую розовую полоску, которая через секунду растворилась без следа, оставив ладонь безупречно гладкой.

Он медленно опустил руку и долго всматривался в чистую кожу, после чего перевёл взгляд на гостью. Кошка сидела совсем рядом, и в её немигающем янтарном взоре больше не было насмешки. Это была магия искренней благодарности — чистая, сокровенная сила, которую сам Ли Вэй при всём своём мастерстве не сумел бы применить так стремительно: ведь небесная медицина требовала сложных формул, а здесь действовала первозданная магия самой природы.

Его гнев начал стремительно таять, оставляя после себя лишь растерянность и непривычный трепет в груди. Кошка коротко вильнула хвостом, легко спрыгнула на бамбуковый пол и скрылась за раздвижной ширмой, оставив хозяина в тишине, которая теперь казалась совершенно иной.

Глава 3

Ли Вэй лежал на своей просторной постели из ценного чёрного дерева совершенно неподвижно. Тяжёлые шёлковые полога, расшитые серебряными нитями, были полуспущены, отсекая ложе от остального мира и защищая его хрупкий покой. В бледном свете угасающей луны его тело казалось высеченным из холодного камня — бессмертная плоть, возвращённая сквозь века изнурительных духовных практик, не знала земных болезней и старости.

Но нынешняя неподвижность была обманчивой. Под тонкими одеждами из простого серого шёлка судорожно перекатывались тугие узлы мышц. Его неестественно длинные ресницы рвано подрагивали, удерживая под плотно сомкнутыми веками безумие ночных видений. Каждую ночь его бессмертная оболочка превращалась в тюрьму, где заново разыгрывалась трагедия, лишая покоя даже спустя сотни лет, проведённых в мире смертных.

Кошмар не знал жалости. Он неизменно начинался с тяжёлого, душливого запаха гари, который вьелся в его подсознание глубже, чем любые лекарственные ароматы.

В этом сне Ли Вэй снова становился маленьким, беззащитным ребёнком. Вокруг полыхала его родная человеческая деревня. Огонь с рёвом пожирал соломенные крыши, деревянные балки домов рушились с оглушительным трес-

ком, поднимая к чёрному небу тысячи искр. Воздух был пропитан едким, удушливым дымом. Всё было кончено.

Клан Красной Луны — жестокие, беспощадные демоны — уже уходил, оставляя за собой лишь пепелище. Маленький Ли Вэй не знал и не понимал, зачем они это сделали, за что вырезали мирных жителей, не пощадив никого. Он просто сидел в темноте, спрятанный матерью в глубокой деревянной бочке на заднем дворе.

Когда глухой топот демонических коней наконец затих вдали, мальчик с трудом выбрался наружу. Его шатало от ужаса. Он вышел на залитую кровью центральную улицу деревни. Кругом лежали мёртвые тела соседей, а посреди этого ада, на сырой земле, лежали его родители.

Отец — простой солдат, когда-то преданно служивший императору, чьё оружие сейчас валялось в стороне, — был безжизненным и бледным. Рядом лежала мать. Она ещё дышала. Её пальцы, холодные и слабые, судорожно впились в запястье сына, оставляя грязные разводы на его коже.

— Останься в живых, — её голос хрипел, дыхание прерывалось. — Спаси себя, А-Вэй. Беги.

Её рука соскальзывала — и реальность сна резко менялась. Кровавое пепелище отступало, превращаясь в прекрасный, залитый солнцем сад в Небесных чертогах, куда его позже забрал учитель. Здесь, среди вечно цветущих деревьев, он познакомился с девочкой. Им было весело и хорошо вместе, они росли бок о бок, и их детская привязанность незаметно

превращалась в глубокую любовь.

Ли Вэй плавно толкал деревянные качели, любуясь тем, как она взлетает к небу, превращаясь с каждым взлётом в прекрасную девушку. Он чувствовал к ней невероятную нежность, но её лица разглядеть не мог — оно оставалось размытым в золотистом мареве.

Радостный смех обрывался внезапно. Солнце гасло, девушка поворачивалась к нему, и Ли Вэй с ужасом видел её руки, по локоть покрытые густой, тёмной кровью.

Видение разбивалось, и небо над головой расколосось, уступая место Верховному Небесному Суду. Оглушительный бой ритуальных барабанов заставлял содрогнуться всю вселенную, и фиолетовые карающие молнии одна за другой обрушивались на его темя, заживо выжигая меридианы и плавя золотое ядро.

Ли Вэй резко подскочил в постели, вырывая из груди задушенный, хриплый крик.

На улице было ещё совсем темно. Плотный предрассветный туман заглядывал сквозь щели ставен, принося с собой прохладу бамбуковой рощи. Всё его тело горело и ныло так, словно он только что испытал эту боль от небесного наказания наяву. Небесный Суд лишил его прежнего величия, выжег меридианы и расплавил золотое ядро, но за века затворничества он смог по крупичам восстановить остатки разрушенных каналов. И всё же фантомные ожоги каждую ночь возвращались с пугающей точностью.

Ли Вэй медленно поднялся, надел простое тёмно-серое ханьфу из плотной ткани, соответствующее его мрачным мыслям, и туго затянул пояс.

«Эти сны никогда не прекратятся», — глухо подумал он, выходя из покоев на резное деревянное крыльцо, чтобы вдохнуть сырой ночной воздух. Комната душила его. Он поднял глаза к небу и замер.

Кошки в доме не было. Она сидела высоко на ветке старой сливы, росшей прямо у крыльца. Её белоснежная шерсть тускло светилась в предрассветной мгле, а золотые глаза смотрели на Ли Вэя сверху вниз без малейшего страха. Животное сидело неподвижно, словно ждало его.

Сотни лет затворничества среди людей приучили Ли Вэя к абсолютному одиночеству, но не излечили разум. Чтобы занять себя делом и отвлечься от тяжёлых мыслей, он решил начать свой день. Ли Вэй спустился во двор. Вокруг царил сонная тишина, нарушаемая лишь редким шелестом бамбуковых листьев.

Весь его день превратился в монотонный, затяжной труд. Перед Ли Вэем стояли широкие бамбуковые сита и тяжёлая ступка из тёмного камня. Он сел на низкую циновку и принялся методично перебирать сушёные травы, отделяя качественные листья полыни от трухи. Движения его длинных пальцев были точными, автоматическими — сказывались века тренировок.

Ли Вэй взял пестик и принялся растирать в порошок жёст-

кие корни дикого имбиря. Нагнетался глухой, мерный стук. По двору медленно разливался резкий, пряный аромат лекарственных сборов. Постепенно сырая дымка начала таять, и первые робкие лучи солнца окрасили верхушки бамбука в бледный золотистый цвет. Ли Вэй работал без остановки час за часом, пока солнце не поднялось в самый зенит, высушивая росу на досках веранды.

В час Лошади, когда солнце достигло зенита, кошка бесшумно спустилась с дерева и подошла ближе. Она уселась на верхнюю ступеньку, наблюдая за движением его рук. Ли Вэй вспомнил своего учителя.

Чэнь Мо часто говорил, что истинный мастер видит суть вещей, а не их внешнюю оболочку. Ли Вэй отложил тяжёлый каменный пестик. На его ладони, где ещё вчера была рана, не осталось даже следа. Магия этой кошки была слишком странной, глубокой и чужеродной. Он, проживший сотни лет на Небесах, никогда не чувствовал такой плотной, первозданной энергии. Небесная медицина требовала сложных формул, а здесь действовала первозданная магия самой природы.

Ли Вэй поднялся с циновки, стряхнул с серого ханьфу остатки полынной трухи и направился вглубь усадьбы. Он решил, что про неё нужно разузнать больше.

Двери его личной библиотеки открылись со скрипом, выпуская внутрь запах старого пергамента и сухих чернил. Ли Вэй часами копался в древних свитках, бамбуковых хрони-

ках и запретных трактатах о редких духовных зверях, которые собирал веками. Его длинные пальцы методично разворачивали хрупкую рисовую бумагу. Он искал хоть одно упоминание о белых кошачьих духах со столь сильной Ци, способной выжигать скверну. Но всё было тщетно. Книги молчали, словно такой магии никогда не существовало.

Ли Вэй устало выдохнул и аккуратно свёрнул последнюю рукопись. От долгого чтения при тусклом свете масляной лампы карие глаза неприятно жгло, а в висках зарождалась тупая боль. Кошачий дух сидел в его доме, а он до сих пор не знал даже её имени.

Он закрыл массивный ящик резного шкафа и направился обратно в жилые покои. Однако стоило ему переступить порог, как он замер.

Кошка опять улеглась на его кровати. Она свернулась клубком прямо на чистых простынях из глубокого индиго и лениво приоткрыла один золотой глаз, когда он вошёл.

Ли Вэй нахмурился. Делить свою постель с животным он не собирался.

— Уходи прочь, — холодно приказал он, указывая на дверь.

Своенравный дух недовольно фыркнул, неторопливо поднялся и, гордо задрав хвост, покинул комнату. Ли Вэй тут же захлопнул створки и закрыл тяжёлый деревянный засов. Чтобы полностью обезопасить свой покой, он резко вскинул руку: кончики его пальцев начертили в воздухе сияющую

гексаграмму, и вокруг спальни соткался мощный барьер из чистейшей Ци. Сквозь эту ледяную стену не сумел бы прорваться ни один высший демон. Удовлетворённый работой, целитель лёг на постель, закрыл глаза и приготовился к новой ночи.

Но кошка оказалась хитрее его защитных чар. Пока Ли Вэй спал, она подошла к запертой двери с наружной стороны. Её древняя, неизученная энергия мягко окутала дерево. Существо смогло как-то беспрепятственно проникнуть сквозь его мощный барьер, даже не всколыхнув потоки воздуха. Она легко вспрыгнула на матрас и легла подле него с правого бока, уткнувшись носом в его запястье — точно в точку Цунь-коу.

Он очнулся от сна на исходе часа Лошади следующего дня, когда его рука случайно коснулась её тёплой пушистой морды. Ли Вэй подскочил в кровати от неожиданности. От этого порывистого движения кошка мгновенно пробудилась, прыгнула на пол и метнулась к открывающимся створкам веранды.

— Чертовка! Как ты проникла сюда?! — в гневе прокричал он ей вслед.

Он тут же бросился за ней, желая поймать нарушительницу, но, выбежав из комнаты, замер. На дворе уже стоял полдень. Яркие солнечные лучи заливали бамбуковый сад, полностью высушив утреннюю росу.

В ту же секунду к нему пришло ошеломляющее осозна-

ние: сегодня ночью он впервые за сотни лет не увидел кошмаров. В его голове не гремели ритуальные барабаны Суда, а перед глазами не стояли пепелище деревни и окровавленные руки из сна. Разум был чист, а в теле не ощущалось привычной изнуряющей боли от фантомных ожогов. Волна ночного тепла от кошачьего носа у его запястья защитила его до самого рассвета. Эта bestия одним своим прикосновением заблокировала ментальную скверну.

Ли Вэй стоял на крыльце в полном недоумении. Сердце всё ещё ускоряло ритм, но уже не от страха, а от осознания случившегося чуда.

«Кто же ты такая?» — напряжённо думал он, не сводя карих глаз с белой шерсти.

Кошка, совершенно позабыв о его присутствии и недавнем крике, беззаботно устроилась посреди двора. Она лениво потянулась, уселась на прогретые солнцем камни и принялась умывать лапкой мордочку. В её золотых глазах больше не было мистической глубины — сейчас это был просто сытый, упрямый зверь, ломающий все законы бессмертных. Ли Вэй продолжал молча смотреть на неё, пытаясь осмыслить то, что произошло этой ночью.

Глава 4

Ли Вэй продолжал стоять на деревянном крыльце усадьбы. Воздух Долины тысячи весенних дней, раскалённый полуденным зноем часа Лошади, стоял неподвижно. Плотный, сухой жар застревал в лёгких, смешиваясь с горьким ароматом прогретой бамбуковой рощи. Пальцы целителя напряжённо сжимали лакированные перила веранды. Дерево, нагретое солнцем, глухо поскрипывало, принимая на себя избыток хаотичной энергии, которую мастер никак не мог обуздать.

Взгляд его карих глаз оставался намертво пригвождён к белому существу посреди двора. Зверь устроился на мощёной площадке, выложенной тяжёлыми плитами серого гранита, которые сейчас буквально дышали жаром под прямыми лучами зенита. В этом ярком, беспощадном свете её шерсть казалась ослепительно белой, матовой, начисто лишённой естественного живого блеска.

Нарушительница покоя вела себя подчеркнуто обыденно: лениво вытянула передние лапы, глубоко, с едва слышным горловым звуком потянулась, когтями царапая твёрдый камень, а затем принялась методично, круговыми движениями умыть морду. В её полуприкрытых янтарных глазах больше не было того пугающего, человеческого расчёта, который мастер зафиксировал прошлым вечером в травнице. Сейчас

перед ним сидел сытый, упрямый зверь, который посреди белого дня вальяжно раскинулся на солнцепёке и в упор не замечал тяжёлого замешательства хозяина дома.

Но Ли Вэя невозможно было обмануть этой напускной простотой. В его голове, полностью очищённой от привычного ночного кошмара, звенящими ударами пульсировал один-единственный вопрос: как она это сделала?

Защитный контур, развёрнутый вокруг его спальни перед сном, не был обычной бытовой ворожкой. Это была ледяная, многослойная стена из чистейшей Ци, структура которой создавалась по канонам высших стражей Небесного Суда. Сквозь такой заслон не мог просочиться ни один сильный демон, ни один лазутчик, даже если бы они использовали скрывающие амулеты старых кланов.

Воздушные потоки в комнате за всю ночь не колыхнулись ни разу. Магические замки на тяжёлых створках дверей не выдали ни единой вибрации. И тем не менее, проснувшись в самый разгар дня, он обнаружил зверя на своей постели. Существо просочилось сквозь плетение его Ци так, словно этой защиты никогда не существовало, либо её собственная энергия находилась в идеальном, абсолютном резонансе с меридианами самого Ли Вэя.

Прагматичный разум лекаря быстро подавил минутное замешательство. Вышвырнуть этот странный дух за пределы защитного барьера Долины прямо сейчас, поддавшись гордости, было бы верхом тактической глупости. Ли Вэй при-

вык платить за всё полную цену и сейчас чётко осознавал масштаб полученной выгоды.

Впервые за долгие столетия изгнания его пробуждение было чистым. Золотое ядро находилось в состоянии зеркального покоя, а энергия текла по каналам ровно, без затыков и внезапных возмущений.

Этот неопознанный дух одним своим присутствием, коснувшись носом точки Цунь-коу на его запястье, заблокировал ментальную скверну. Она сделала то, с чем не могли справиться лучшие успокоительные сборы и редчайшие коренья, годами копившиеся на полках его травницы.

«Ты останешься здесь, — жёстко зафиксировал он мысль в сознании, провожая глазами белое пятно во дворе. — По крайней мере, до тех пор, пока я лично не препарирую твою природу и не пойму, какой именно ключ ты подобрала к моим меридианам. Пока ты находишься на виду, под моим прямым надзором, твои действия предсказуемы».

Ли Вэй сделал глубокий вдох, заставляя горячий полуденный воздух остудить виски. В памяти отчётливо всплыли рваные раны на боку животного, которые он выжигал своей энергией. Скверна такой плотности не могла зародиться в глухих лесах человеческого мира. Это был целенаправленный, профессиональный удар, призванный полностью уничтожить духовную основу существа.

Преследователи, которые загнали зверя и оставили его умирать в таком состоянии, обладали сокрушительной, без-

жалостной силой. Ли Вэй не знал и не стремился узнать их имена — в мире бессмертных знание чужих тайн слишком быстро превращалось в смертный приговор.

Для него, как для лекаря, важен был лишь сам факт: за этим существом шла охота высочайшего уровня. Выставить её за пределы защитного контура Долины означало либо обречь на мгновенное уничтожение, либо, что куда опаснее, позволить ищейкам наткнуться на след его собственно-го тайного убежища. Присутствие сильного, но контролируемого духа под рукой давало передышку. Она останется здесь — под его прямым надзором, внутри границ, которые веками не пропускали чужаков.

Очертив в уме этот план, Ли Вэй покинул веранду и вернулся в дом, твёрдо намереваясь навести порядок. Оставлять животное на своём ложе из ценного чёрного дерева он не собирался. Мастер лично соорудил для гостьи изолированную лежанку в самом дальнем углу просторной спальни. Он использовал каркас из жёсткого тростника и несколько слоёв тяжёлых шёлковых отрезков глубокого индиго. Никаких излишеств — только сухая, строгая функциональность. Границы личного пространства были очерчены заново, жёстко и бескомпромиссно. Дисциплина бессмертного отшельника должна восторжествовать.

Но у зверя были собственные представления о порядке в этом доме.

Упрямство гостьи быстро переросло в затяжную, изнури-

тельную войну за территорию. Каркас из тростника в углу спальни оставался нетронутым — нарушительница покоя демонстративно игнорировала шёлковые отрезы, предпочитая хозяйничать на его постели.

Каждое утро превращалось для целителя в планомерное уничтожение остатков его вековой выдержки. Время сна, ставшее безмятежным благодаря её присутствию, неизменно заканчивалось тяжёлым пробуждением.

Зверь усаживался плотным, увесистым комком прямо на грудную клетку мужчины, точно над его духовным центром. Белая шерсть лезла в лицо, а тяжесть чужого тела перекрывала дыхание, заставляя целителя делать судорожные вдохи через силу. Стоило Ли Вэю в раздражении сбросить наглую гостью на бамбуковый пол, как на следующий рассвет сценарий менялся с пугающей точностью. Он открывал глаза и обнаруживал, что его лицо полностью погребено под густым ворсом белого хвоста, а сама кошка вальяжно раскинулась на соседней подушке, заблокировав ему всякий обзор.

Грозные приказы и попытки укрепить внутренние затворы спальни предсказуемо разбивались о глухое кошачье безразличие. Наглый хищник ломал любые правила уединения, которые мастер выстраивал веками.

На десятые сутки эта шаткая система контроля рухнула окончательно.

Ли Вэй пришёл в себя на исходе часа Кролика. Бумажные ставни ещё удерживали серый предрассветный полумрак,

а воздух в комнате сохранял леденящую ночную прохладу ранней весны. Сон целителя в эту ночь был глубоким, безмятежным и сладким — ментальная скверна отступила, не оставив после себя удушливого пепла.

Мастер медленно, сквозь остатки сонной неги, пошевелил правой рукой. Он ожидал наткнуться пальцами на привычный жёсткий ворс белого зверя, но его ладонь скользнула по чему-то совершенно иному. Под подушечками пальцев оказалась безупречно гладкая, ровная и горячая кожа.

Ли Вэй открыл глаза. Остатки сна мгновенно испарились.

В сером, полуживом сумраке ложа, вплотную к его груди, спала молодая женщина. Наглая гостья устроилась на постели с абсолютным, естественным бесстыдством дикого существа, не знающего человеческих приличий: её длинная нога уверенно перекрывала его бёдра, удерживая бессмертного в ловушке, а тонкая рука плотно лежала на его левом плече, прижимая к матрасу. Она обнимала его так крепко и доверчиво, словно имела на это полное право.

Взгляд целителя, скованный секундным оцепенением, против воли прошёлся по незнакомке. Линия изящных ключиц, крутой изгиб обнажённого плеча и матовая белизна кожи, на которой блёклыми розовыми нитями выделялись шрамы от недавних глубоких ранений. Длинные, спутанные пряди волос цвета свежего снега разметались по его подушке, частично скрывая её лицо. Она дышала ровно, уткнувшись носом в изгиб его шеи, и этот горячий выдох обжи-

гал кожу мужчины, заставляя меридианы его Ци судорожно сжиматься от непривычного тепла.

В ту же секунду вся вековая выдержка благородного мужа испарилась, уступив место дикому, оглушительному смущению. Ли Вэй судорожно вдохнул, и его сердце, до этого бившееся мерно и спокойно, пустилось вскачь, отдаваясь гулками ударами в ушах.

Не в силах больше выносить эту интимную близость, он инстинктивно и резко отпрянул назад. Мужчина буквально соскочил со своего ложа, с глухим стуком приземлившись ногами на жёсткий бамбуковый пол. Ли Вэй мгновенно отвернулся к противоположной стене, напрочь отказавшись смотреть в сторону кровати, хотя спиной всё ещё чувствовал волну девичьего тепла. Бледные, обычно холодные, как нефрит, щёки целителя вмиг залила краска густого, яростного и стыдливого румянца. Ему казалось, что этот жар сейчас сожжёт его меридианы изнутри.

На кровати послышался мягкий шорох потревоженного шёлка. Деревянный каркас тихо закрипел: девушка сладко, с тихим вздохом потянулась и неторопливо поднялась, усаживаясь посреди сбитых простыней.

— Бесстыжая... — глухо выплюнул Ли Вэй в пустоту перед собой, крепко зажмурившись, чтобы случайно не поймать её отражение в начищенных медных деталях интерьера.

Пытаясь хоть как-то вернуть контроль над ситуацией и собственной паникой, он быстрым, резким жестом руки под-

хватил с резной ширмы своё верхнее тёмно-серое ханьфу из плотной ткани. Не оборачиваясь, Ли Вэй наощупь, одним порывистым движением набросил его на поднявшуюся незнакомку, стремясь как можно скорее спрятать её наготу под тяжёлым шёлком.

Как только ткань укрыла гостью, целитель, не дожидаясь ни звука, ни движения в ответ, рванул на себя створки дверей. В одном нижнем одеянии он буквально вылетел во двор, стремясь уйти как можно дальше от этого безумия и позволить сырому ночному воздуху остудить его пылающее лицо.

Рассветное солнце только касалось верхушек бамбука, но Ли Вэй знал: его привычному уединени

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.